

Юлия Марчина

ДОМОЙ

18+

Пореченск.LOVE

Юлия Марчина
ДОМОЙ

«Автор»

2026

Марчина Ю.

ДОМОЙ / Ю. Марчина — «Автор», 2026 — (Пореченск.LOVE)

Яна привыкла быть хорошей: не требовать, не скандалить, быть благодарной за крохи внимания. Но муж всё равно ушёл, оставив её с младенцем. Рома тоже «удобный»: заботливый, не строит из себя загадочного мачо с проблемами, помог добраться до Питера. А ещё он сильно старше Яны. Что из этого вышло? История о том, как встретились два хороших, «удобных» человека.

© Марчина Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	16
ГЛАВА 4	21
ГЛАВА 5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Юлия Марчина

ДОМОЙ

ГЛАВА 1

Некоторое время назад.

Диму бросила жена. Вот так просто: взяла и уехала в Москву, оставив его с маленькой дочкой Евой. Тогда Яна и познакомилась с ним. Теперь, оглядываясь назад, она понимала: ничего серьёзного он с ней и не планировал. Так, необременительные отношения в горизонтальной плоскости, раз уж она так хотела. А Яна очень хотела! Влюбилась в него. А ещё понравилась его маме, нашла общий язык с дочкой. И сама ему сказала, что замуж за него желает. Получается, Дима просто согласился, пытаясь заполнить пустоту, оставленную бывшей женой, чья тень витала над ними с самого начала.

«Ты меня не знаешь толком», – говорил он тогда. Яна же надеялась, что сможет стать той единственной, кого он полюбит по-настоящему. Она верила, что если будет хорошей, красивой, заботливой, не станет жаловаться, требовать, не будет мешать – он заметит, оценит и полюбит. Яна старалась изо всех сил. Дима заметил, но не полюбил.

Однажды его жена Рита вернулась.

«Ты не волнуйся, она давно в прошлом. Он тебя выбрал», – успокаивала Димина мать. Яна попыталась в это поверить.

Приехала Рита ещё до их свадьбы. Дима тогда её прогнал, но она упорно ходила и ходила, желая видеть дочь, его самого, прося прощения. Яна знала об этом, хотя Дима и старался оградить её от проблем, но после каждой такой встречи она видела его лицо: уставшее и чужое. Она молчала, зная, что на прямой вопрос он ответил бы: «Всё нормально», а Яна не умела спрашивать его так, чтобы он не мог не ответить прямо.

И продолжала надеяться, что уладится, перетерпится, утрясётся. Думала: «Я же лучше, красивее, моложе, скоро рожу ему сына, и он забудет».

А ещё рассуждала так: «Рита же сама ушла к другому, сама его бросила. Дима никогда не простит такое. А я ему нужна».

Как же сильно она ошиблась!

На роды он с ней не пошёл. Яна хотела бы, но не настаивала, рассудив, что это, возможно, и лучше. Она слышала истории о том, как у мужчин после такого пропадает влечение к жёнам и семьи рушатся. Но у Димы это случилось гораздо раньше.

Он не прикасался к ней с первых недель беременности. Сначала страх был обоюдным: врач предостерегала, да и сам Дима опасался. Не то чтобы совсем не трогал её: мог взять за руку, когда шли по улице, или поцеловать в щёку перед работой, но не более.

На шестом месяце доктор разрешила. Яна озвучила это за ужином, надеясь, что наконец-то у них всё будет, как прежде. Дима, кивнув, сказал: «Хорошо», но ничего не изменилось.

А после рождения Феди и вовсе перебрался в гостиную. Ночные кормления, пробуждения, плач ребёнка – всё это мешало ему отдыхать. «Я не высыпаюсь, у меня работа», – говорил он, уходя на диван. Яна не спорила. Втроём и правда было тесно. Федя раскидывал ручки и ножки, Дима боялся его раздавить, лежал на краю кровати, свесив ногу, а утром жаловался на боль в спине. На диване ему было комфортнее.

Прошло положенное время после родов, снова стало «можно», да и Федя стал спать спокойнее. Яна даже уже пыталась переселить его в свою кроватку, но в супружескую постель Дима так и не вернулся. Она ждала, списывая всё на усталость и адаптацию к новой жизни с ребёнком. Затем решила: пора действовать самой.

Однажды вечером, когда Федя уснул, она тихо вошла в гостиную. На ней было тёмно-синее платье на бретельках, о котором он когда-то сказал, что оно ему нравится. Волосы распустила и уложила, на лицо нанесла лёгкий макияж. Перед этим долго смотрелась в зеркало – ведь красивая же.

Дима, сидя на диване, листал что-то в телефоне, даже не подняв головы. Яна села рядом и, проведя рукой по его щеке, мягко положила подбородок ему на плечо. Он никак не отреагировал – просто продолжал смотреть в экран, делая вид, что занят и не понимает, чего она хочет. Убрав руку, она молча встала и ушла в спальню.

Лежала потом и плакала от унижения, думая: «Может, я ему больше не нужна? Он меня больше не хочет. Или хочет, но не меня». Эта мысль, появившаяся давно, ещё во время беременности, когда Яна ночами слушала, как он лежит рядом, но так далек, сейчас всплыла безжалостно чётко. Ранее она отгоняла её, убеждая себя: «Накрутила. Гормоны. Всё пройдёт, родится ребёнок, наладится».

Сын родился – не наладилось.

Позднее Яна решила попробовать снова. Зашла в гостиную. Телевизор молчал. Дима лежал на диване, его взгляд был прикован к картине на стене. Она устроилась в кресле напротив, терпеливо ожидая, когда он её заметит, но он не обращал на неё внимания.

– Дима, – позвала тихо.

Он повернул голову, посмотрел пустым взглядом, будто сквозь неё.

– Что-то случилось? – спросила она.

– Ничего не случилось.

– Ты какой-то... не такой, как был.

Дима помолчал, потом произнёс:

– Устал.

– На работе?

– Да.

Она понимала, что это не вся правда. Дело было не в работе, а в чём-то другом, но она не стала настаивать. Пугал возможный ответ: что причина в его бывшей жене.

Дима постоянно цеплял Риту. Каждый раз, когда она приходила за дочкой, он находил повод задеть её, унижить. Яна видела: он не мог никак простить или хотя бы забыть, он злится, у него болит. Сначала, дурочка, даже радовалась такому его отношению к бывшей. «Значит, не любит и презирает», – думала. Потом поняла: всё ровно наоборот. Агрессия эта говорила о совершенно другом.

Ближе к концу осени Рита захотела забрать дочку на выходные. Дима сначала противился, ругался, что ребёнок видит нового мужчину матери. «Разве полезно для девочки – наблюдать этот хоровод?» – кричал он Яне.

Она тогда поняла: он, кажется, очень ревнует и бесится. Бросила ему с вызовом: «Если ты будешь и дальше этой ерундой заниматься, я ведь могу подумать, что ты к ней до сих пор сильно не равнодушен!»

Дима замолчал и, сжав зубы, вышел из комнаты. Метался по кухне, как тигр в клетке, но в итоге отпустил Еву к матери.

А когда девочка вернулась от Риты, влетев в квартиру сияющая и полная впечатлений, она с порога начала рассказывать о цветах в теплицах и о добром, смешном дяде Егоре. Однако оказалось, что за выходные не были сделаны уроки. Дима, сквозь зубы ругая безалаберность бывшей и её наплевательское отношение (хотя Ева призналась, что сама не сказала матери о заданиях), в итоге допоздна сидел с дочкой, решая задачи и помогая писать сочинение.

Ева вдруг выпалила:

– Дядя Егор сказал, что они с мамой решили пожениться.

Яна, прижимая к себе Федю, бросила взгляд на Диму, стоявшего с учебником. В тот миг она навсегда запомнила его лицо: словно что-то внутри него оборвалось, будто он перестал дышать.

– Представляешь? – продолжала щебетать Ева. – Я спросила: «У вас что, тоже новенький мальчик будет?» Мама засмеялась, сказала: «Нет». А дядя Егор сказал: «Но когда-нибудь обязательно будет: и мальчик, и девочка».

Яна не помнила, как укачивала сына, пока Ева без умолку болтала. Перед её глазами стояло Димино окаменевшее лицо.

Ночью он не спал. Она слышала, как он ворочался на своём диване, как вставал, шёл на кухню, курил в темноте. Хотя ведь бросил, ещё когда Яна была беременна. Покулив, Дима возвращался в гостиную, ложился, снова ворочался.

Он стал совсем отсутствующим. Яна для него превратилась в пустое место. Он почти не разговаривал с ней, на Федю смотрел, но словно не видел. Иногда улыбался чему-то своему и тут же хмурился.

А в декабре, когда она уже не могла больше выносить эту пустоту и холод между ними, Яна решилась попытаться ещё раз. Федя уснул рано, Дима сидел на кухне, пил чай и смотрел в окно. Она подошла сзади, обняла его за плечи, прижалась щекой к затылку.

– Дим, – тихо сказала она, – я соскучилась.

В ответ – тишина.

– Можно я сегодня лягу с тобой?

Он даже не повернулся. Не взглянув на неё, глухо ответил:

– Федя проснётся один – испугается.

– Я быстро прибегу, если что.

Дима покачал головой, освободился из её рук, взял кружку и отнёс в раковину.

– Устал я, спать хочу, Ян.

И ушёл в гостиную, плотно закрыв за собой дверь.

Она осталась стоять на кухне, смотря ему вслед и сжимая кулаки, чтобы не завывать в голос от этой глухой, беспросветной тоски. Но через неделю в отчаянии попробовала снова. Просто пришла к нему ночью, когда Федя крепко спал, и села на край дивана. Он лежал на спине, красивый до невозможности, руки за головой, глаза закрыты. Не спал – Яна поняла это по дыханию, оно было другим, не таким, как во сне.

– Дима, – прошептала она.

Он не ответил. Тогда она положила ладонь ему на грудь, на сердце. Оно билось ровно, спокойно.

– Я хочу тебя, – сказала она прямо, и даже голос не дрогнул.

Дима медленно открыл глаза, взгляд его застыл на потолке. Затем он, будто нехотя, повернул голову.

– Иди спать, Ян.

Но она не шелохнулась.

– Не хочу спать, Дим. Хочу к тебе.

И, наклонившись, нежно коснулась губами его губ – сухих, неподвижных. Дима не ответил, но и не отстранился. Тогда она поцеловала его снова, уже глубже, а её рука скользнула по его животу и ниже. Внезапно он перехватил её запястье, сжал его крепко.

– Ян, не надо.

– Почему?

– Просто – не надо.

И, отпустив её руку, отвернулся к стене. Яна осталась сидеть на краю дивана и смотреть на его спину, на тёмные волосы на затылке, на то, как напряжены его плечи. Хотела спросить: что она сделала не так? Почему он её больше не хочет? Но слова застряли в горле.

Она тихо встала и направилась в спальню. Легла рядом с Федей, разглядывая его светлые волосы, пухлые щёчки, длинные ресницы, крошечные кулачки, сжатые во сне. Он не был похож на Диму, больше на неё. Яна гладила сына по голове и думала: «Хоть бы ты меня любил. Хоть бы ты никогда не смотрел на меня так, как он».

Декабрь тянулся медленно. Снег падал беспрестанно, за окном было серо, темнело рано. Яна выходила гулять с Федей, катила коляску по заснеженным дорожкам, заходила в магазин за продуктами, а потом возвращалась домой. Дима почти всегда был на работе. Немногие выходные он проводил с Евой: водил её в кино, в кафе, помогал с уроками. Яна оставалась с Федей одна. Она не жаловалась, не просила взять её с собой, не говорила, что ей тоже хочется выйти куда-то из дома, а не только гулять в парке с коляской.

Она чувствовала, как Дима отдаляется от неё всё дальше с каждым днём. После работы он садился за ужин, смотрел в тарелку и не слышал, что Яна говорит. Отвечал односложно: «Да», «Нет», «Хорошо». Утром уходил на дежурство, возвращался поздно. Федю брал на руки редко – боялся, говорил: «Я не умею, ты лучше». Она не спорила – не было сил на это. В детскую поликлинику, правда, возил их без вопросов.

День рождения Евы отмечали дома, с тортом и шариками, а на следующий день Дима повёз дочку на встречу с Ритой. Вернулись поздно.

– Где были? – спросила Яна.

– В кафе. Ева хотела с мамой встретиться. День рождения же.

– Ну и как? – Яна ждала подробностей.

– Нормально, – он пожал плечами.

– И ты с ними?

– Да.

Раньше он лишь передавал дочь, избегая всякого общения с бывшей женой. А ещё всегда оставлял телефон где попало. Теперь же – держал его при себе постоянно, даже в душе. При Яне он начал либо вовсе игнорировать звонки и сообщения, либо отвечать односложно, уединяясь в другой комнате. Стал задерживаться после работы, никак не объясняя и не смотря в глаза.

– Поздно как ты, – сказала она однажды.

– Работа.

– Опять?

– Тебе деньги не нужны разве?

Яна не ответила. Когда он ушёл в душ, она, подойдя к его рубашке, что висела на стуле, осторожно понюхала воротник. Показалось, что пахнет духами: сладкими, густыми, тяжёлыми.

«До чего ты докатилась», – подумала с горечью.

Свекровь приходила почти каждый день. Готовила, убиралась, качала Федю, пока Яна спала или просто сидела на кухне, глядя в одну точку. Наталья Игоревна была с ней мягкой, почти нежной.

– Иди отдохни, – говорила, забирая Федю из кровати. – Я с ним побуду.

Яна кивала, шла в спальню и ложилась, но сон не шёл. Смотрела в окно, прислушиваясь к тому, как свекровь поёт внуку на кухне, гремит чем-то, ходит по комнатам.

Однажды Яна не выдержала. Наталья Игоревна мыла посуду, Федя спал.

– Тётя Наташа, – позвала тихо.

Та обернулась.

– У него... – голос дрогнул, она сглотнула. – У Димы кто-то есть?

Свекровь замерла, не оборачиваясь, продолжая тереть тарелку.

– Яна, что ты...

– Скажите мне! Пожалуйста. Я больше не могу.

Выключив воду, Димина мать сняла перчатки и медленно повернулась. Лицо было спокойным, но в глазах Яна увидела то, чего боялась.

– Я не знаю, – ответила Наталья Игоревна. – Не замечала ничего такого за ним.

– Сиденье в машине, – выпалила Яна. – Когда я сажусь, оно бывает сдвинуто ближе к рулю. Как будто кто-то ниже ростом сидел. Или... не ниже. Просто – не я.

Слова давались с трудом, но она не могла остановиться.

– Раньше такого не было никогда. А теперь... я сдвигаю обратно, а оно опять. Значит, кто-то ездит с ним.

Наталья Игоревна молчала, стоя у раковины и сжимая край фартука.

– Я хочу спросить у него, – Яна отодвинула чашку. – Но если он скажет «да»... что мне тогда делать? Выгонять его? – голос сорвался, она закрыла лицо руками. – Я не могу... У меня ничего нет, только он и Федя. А у него есть кто-то. Это она? Рита? Да?

Слёзы потекли сквозь пальцы, горячие, солёные. Наталья Игоревна подошла, села рядом, обняла за плечи, гладила по спине.

– Ну что ты, детка, – сказала наконец. – Что ты надумала себе? Наверное, кого-то подвозил с работы. Или с ремонта машину забрал, а там механик сидел, сдвинул. Ты же знаешь, характер у Димки так себе, а ты уже...

Свекровь говорила, и голос звучал успокаивающе, но в лице, когда Яна подняла голову, мелькнуло что-то – быстрая тень, которую та сразу спрятала за улыбкой.

– Всё будет хорошо, – сказала Наталья Игоревна. – Ты главное не накручивай. Спи больше, ешь хорошо, с Федей гуляй. А я с сыном поговорю по-матерински. Если что не так – разберёмся.

Яна кивнула, вытерла лицо. Поверила или хотела поверить. В тот вечер Дима пришёл поздно. Она слышала, как Наталья Игоревна вышла к нему, их тихий, почти шёпотом, разговор в коридоре. Потом хлопнула входная дверь – свекровь ушла. Дима не зашёл на кухню даже, после душа сразу лёг спать. Яна лежала рядом с Федей, смотрела на дверь, прислушиваясь к тишине, и ждала, сама не зная – чего.

А однажды наступила ночь, когда он совсем не пришёл. Яна не звонила, лишь написала: «Где ты?»

Ответ пришёл через два часа: «Работаю. Не жди».

Ночь казалась бесконечной. Яна лежала, прислушиваясь к мерному дыханию Феи рядом, и всё равно ждала. Утром Дима так и не появился. Вернулся лишь вечером и, не сказав ни слова, ушёл спать на свой диван.

А потом что-то изменилось. Он пришёл однажды просто серый, с лихорадочно блестящими глазами. Яне показалось – сильно выпивший. Запершись в гостиной, он ходил из угла в угол и, казалось, тихо стонал, будто от зубной боли.

– Ты в порядке? – постучала Яна, прижавшись лбом к двери.

– Да, – он затих, прокашлялся и добавил: – Иди спать.

С того дня замолчал почти совсем, пропадая на работе сутками, без выходных. Даже с Евой перестал заниматься. Приходил и тут же валился спать. Ходил неделями небритый, лицо осунулось.

«Рита опять его бросила, – догадалась Яна. – Или поставила ультиматум».

Сидя на кухне, она пила кофе и смотрела на ёлку, которую наряжала одна. Дима помог достать коробку из кладовки, но украшать отказался, сославшись на усталость. Они сами с Евой вешали игрушки и гирлянды. Яна думала о том, что Федя в следующем году уже будет помогать, будет тянуть ручки и смеяться.

А ещё думала: «Как мне быть? Что мне делать с этой жизнью, которую я сама выбрала?»

Ответа не было.

Навязчиво крутились мысли о пресловутом бумеранге. Никто в него не верит, но прилетел он в лоб именно Яне. Ведь до Димы она почти год встречалась с женатым мужчиной и искренне верила в эту «настоящую» любовь. Правда, когда осознала цену этой иллюзии, стало

очень стыдно – и порвала. Но факт оставался фактом. Да и Дима был юридически женат, когда они начали. Она знала, что нельзя, но всё равно влезла в это и теперь расплачивалась.

Но одно она знала точно: она не будет его удерживать, не будет устраивать сцен, кричать, плакать, требовать. Никаких: «Ты обещал», «Ты меня выбрал», «У нас сын». Она не хотела быть той, с кем живут из жалости, долга или из-за ребёнка.

И тот день настал. Уже после Нового года, в праздники, Дима начал вдруг с утра собирать вещи. Бегал по комнатам, кидая в сумки своё и Евино.

Яна поняла – вот оно. Конец.

Он подошёл, обнял, целовал руки. Смотрел на неё, и в его глазах стояла такая боль, что у неё внутри всё оборвалось.

– Ян, я не могу без неё, – прошептал он. – Прости.

Она не плакала, не кричала, не била посуду. Просто смотрела на него и думала: «Я знала. Всегда знала». Сказала только: «Уходи».

И даже мелькнуло: «Он наконец свободен. И я – тоже».

Потому что она устала. Ужасно, катастрофически устала бояться потерять. Устала ждать, быть ненужной, чувствовать, что он не её. Устала от всего.

– Прости, Ян! Я виноват. Очень виноват. Поспешил утешиться. Назло. Я мудак, если тебе от этого легче.

Ей было – ничуть.

– Федю я не брошу, – добавил он. – Надеюсь, ты не...

– Я не буду мешать тебе видеться с сыном, – перебила Яна. – Но ты сам вряд ли...

Дима нахмурился, но промолчал. Они с Евой уехали к свекрови. Та сначала не хотела ничего слышать, но разве имела она право не пустить его к себе домой?

Наталья Игоревна потом возмущалась:

– Ну как он мог? От тебя уйти к этой?

Яна лишь горько усмехнулась.

Её собственная мать, узнав, сказала:

– Хорошие девочки типа тебя ровно до той поры хороши, пока не появится та, от которой у них крышу сносит. А эта, значит, умеет его в тонусе держать. Вот так, Яночка, уж прости. Не все мужики такие, конечно...

Она задумалась и добавила:

– А может, и все...

Только тогда Яна заплакала. Громко, навзрыд, уткнувшись в подушку, чтобы сына не напугать. Горевала о себе, о нём, о том, как могло бы быть, если бы она была другой. Если бы он был другим. Если бы Риты не существовало. Но она существовала. И Дима всегда принадлежал ей.

Яна не стала тянуть с разводом, почти сразу подала сама, рассудив, что обрубить лучше махом. Дима уже жил с бывшей женой, и это было окончательно.

На внутренней стороне обручального кольца была выгравирована фраза: «Навсегда твой, Дмитрий». На его – такая же, только с её именем. Это была её идея, наивная попытка скрепить то, что уже было обречено. Он тогда, перед свадьбой, лишь пожал плечами, но согласился.

Кольцо Яна выкинула в речку.

ГЛАВА 2

Настоящее время.

...Майское солнце заливало комнату. За окном раскинулся город, который Яна больше не хотела называть своим домом. Она ходила по квартире с Федей на руках и складывала вещи в коробки. Одной рукой держала семимесячного сына, который тянул пальцы к её волосам, норовя вывалиться, и что-то лопотал на своём; другой кидала в картонку детские одёжки, подгузники, погремушки.

В итоге получилось три коробки, плюс две сумки и чемодан – только самое необходимое. Остальные вещи тоже были собраны, и часть уже сложена в маленькую спальню. Когда они с Федей будут уезжать, она закроет на замок ту комнату как склеп своей семейной жизни, а оставшиеся помещения займут арендаторы – знакомые подруги Саши.

С тех пор, как от Яны ушёл муж, именно Федя не давал ей погрузиться в горе и застыть в нём. Сын ежесекундно требовал внимания и заботы, и ей было страшно представить, что случится с ним, если она начнёт жалеть себя и ляжет утасать от вырванного куска души.

Свекровь приходила, много помогала, но не могла быть рядом каждую минуту. У Феде резались зубы, и Яна уставала так, что руки дрожали. Дима тоже навещал их время от времени, гулял с коляской, пока она занималась делами, бегала к врачу или просто пыталась поспать. Но, честно говоря, лучше бы он не приходил вовсе.

Дима являлся, пряча глаза, счастливый, не похожий на себя прежнего – весь какой-то размягчённый, словно растаявший. Ему было явно неловко перед ней за своё довольство жизнью. Яна собирала уже сытого к тому моменту Федю, укладывала его в коляску и смотрела в окно, как бывший муж выходил во двор и двигался в сторону парка. Сын обычно спал на улице, но иногда просыпался раньше, чем прогулка заканчивалась. И тогда об их возвращении оповещал громкий рёв, слышный издали, ещё с улицы. Дима нёс Федю на руках, красного, заходящегося плачем, отдавал его, даже не пытаясь успокоить, и спускался за коляской. Ставил её в коридоре и уходил, кивнув ей.

Яна не ждала, что он к ней вернётся. Было ясно, что ждать нечего.

Мать как-то, пару недель назад, позвонила и предложила сама:

– Доча, ты там совсем киснешь. Я волнуюсь. Слезами горю не поможешь, да и не нападёшь их на всех козлов. Переезжай к нам в Питер. Квартира большая, комната тебе найдётся.

– Мам, сильно нужна Юре в доме твоя взрослая дочь с младенцем?

– Мой муж – нормальный мужик, в отличие от некоторых.

Кого она имела в виду, было ясно без слов.

Яна молчала.

– Одной тяжело, – продолжала мать. – Я, конечно, не обещаю много, но чем смогу – помогу. И смена обстановки не помешает. Подумай.

Яна подумала и согласилась. Вовсе не потому, что надеялась на лучшую жизнь в Питере. Просто нестерпимо захотелось вырваться из этой квартиры, где каждый угол напоминал о Диме: диван в гостиной, где он спал последние месяцы; кухня, где он пил кофе перед работой и не смотрел в её сторону; спальня с новой кроватью, где она спала с маленьким Федей вдвоём; комната его дочери Евы, которую Яна приняла как родную; коридор, где он сказал: «Я уйду».

Здесь оставаться было невыносимо.

Мать обрадовалась, зашебетала:

– Вот и отлично! Я тебе позвоню, всё организуем.

И с тех пор Яна потихоньку складывала вещи в коробки, перебирала детские ползунки и ждала, когда мать скажет, что они готовы выехать за ней. Надеялась, что кошмар этот наконец закончится и начнётся что-то новое.

И когда в очередной раз Дима появился на пороге, Яна, перехватив поудобнее капризничającego Федю, сообщила:

– Мы переезжаем в Питер. К маме.

Дима нахмурился.

– Когда?

– Пока не знаю.

Помолчав, он произнёс:

– Предупреди заранее.

– Хорошо.

Он кивнул и отправился отбывать повинность в свой дежурный вояж с коляской по парку.

Во вторник позвонила мать:

– В пятницу приедем, заберём вас с Федюшкой. Всё нормально будет.

Яна выдохнула – хоть что-то хорошее. Времени полно, успеет дособирать вещи, можно не спешить.

А в четверг, в половину восьмого утра, когда Федя только-только уснул после ночных бдений с зубами, а Яна, уставившись в окно на серое небо, пила остывший чай, телефон завибрировал.

– Дочка! Привет! – бодро щебетала мать. – Юрочку отправили на конференцию! В Сочи! Представляешь? Вопрос висел ещё с прошлого месяца, и вот – решился! Мы летим! Лето, море!

– Мам, а как же мы с Федей? – Яна бессильно сжала чашку. – У меня квартира с понедельника сдана.

– Не волнуйся, я всё придумала! Тебя Рома отвезёт, ему по пути.

– Какой ещё Рома?!

Мать на секунду замаялась.

– Ну, одноклассник мой. Хороший человек. Не бойся.

– Мам, я не...

– Жди! Сказал, сегодня к десяти утра будет! Пока, мы в зону досмотра!

Трубка замолчала. Яна перевела взгляд с дисплея на спящего в кровати Федю, затем на коробки, собранные ещё с вечера. На неё накатило странное, вязкое оцепенение – то ли сон, то ли просто предельная усталость, когда мозг отказывается обрабатывать информацию, фиксируя лишь факты без всяких эмоций.

«Рома так Рома», – подумала она. Всё равно лучше, чем оставаться здесь, видеть Диму, который будет топтаться в прихожей, прятать глаза и делать вид, что он хороший отец. Главное – уехать.

Федя спал уже два часа подряд – рекорд за последние пару недель. У неё был шанс вздремнуть, но она не легла: дособирала вещи, перебрала аптечку, зачем-то протёрла полы в коридоре и теперь сидела на кухне, рассеянно ковыряя кашу и уставившись в стену. Сил не осталось совсем. Тело превратилось в тяжёлый, неповоротливый мешок, а мысли ползли, словно сквозь густую вату.

Взгляд упал на коробку с детскими вещами, подписанную её рукой: «Федя, 0-6 мес.». Ему уже семь, и половина этих одежек не налезет. Эту и другие коробки надо отнести и запереть в бывшей спальне Диминой дочки.

Яна закрыла глаза. В голове было пусто и тихо, как в комнате, из которой вынесли мебель. Эта пустота была почти приятной: ничего не болит, ничего не давит, ничего не боишься. Просто существуешь и ждёшь, когда придёт этот Рома.

Федя заворочался в кровати, крикнул и проснулся. Яна открыла глаза, глянула на часы: девять двадцать. Она успела ещё подмыть сына, сменить подгузник и покормить. Переделалась сама: светлые джинсы, футболка, кофта на всякий случай. Кеды ждали в прихожей. Волосы

собрала в пучок. В зеркале отразилось бледное, почти серое лицо с заметными кругами под глазами. «Ну и ладно», – подумала она.

В десять ноль четыре раздался звонок в дверь. Яна открыла, не спрашивая.

На пороге стоял высокий, крепкий мужчина в футболке и джинсах. Широкие плечи чуть ли не перекрывали дверной проём. Образ дополняли внушительные руки с татуировками, коротко стриженные волосы и многодневная щетина, тронутая сединой. На Яну внимательно смотрели глубоко посаженные глаза, цвет которых в полумраке прихожей было не разобрать.

– Фух... Подумал, Маринка приглючилась, – произнёс он через пару секунд. Голос был низкий, с лёгкой хрипотцой. – Вы так с мамкой твоей похожи – обе блондинки, глаза голубые, да и вообще...

Яна не знала, что ответить. Стояла, сжимая дверную ручку. Мужчина тряхнул головой, будто смахивая наваждение, и шагнул к ней через порог, не дожидаясь приглашения.

– Рома, – представился он. – Вещи где?

– Там, – она кивнула в сторону комнаты, потому что голос не слушался.

Он прошёл, оглядел коробки, сумки, прикинул что-то на глаз.

– Пересчитала, чтобы ничего не потерять?

Яна отрицательно покачала головой:

– С собой только три, – спохватилась она. – Сейчас, минуту! Эти отнесу в комнату.

Приподняв ближайшую, она направилась к двери, но его рука легла ей на плечо.

– Я сам. Покажи, какие и куда.

Он перетаскал коробки в бывшую Евину спальню, после чего Яна заперла её на ключ.

– Газ, воду, электросчётчик отключаем? – спросил он, осматривая прихожую.

Яна кивнула. Хорошо, что он об этом подумал. Сама бы она, скорее всего, забыла или вспомнила уже в дороге. Рома быстро, но тщательно проверил комнаты, кухню, ванную, заглянул под раковину и к щитку в коридоре. Проверил краны, пощёлкал выключателями.

– Холодильник?

– Пустой, – ответила Яна.

Он сложил коробки одну на другую, подхватил легко, будто они были пустыми и, велел ей ждать, вышел.

Обуваясь в прихожей, Яна слышала, как грохнула входная дверь вниз. Федя кричал в переноске, тянул пальцы в рот. Через несколько минут вернулся Рома за сложенной коляской, а в другую руку взял чемодан и сумку, и снова исчез за дверью.

Яна, взявшись за лямки рюкзака, огляделась. В голове промелькнула мысль: «А вернусь ли я сюда когда-нибудь?» И тут же поняла: ей больше не хотелось ни в эту квартиру, ни в этот город, ни в эту жизнь.

Федя заворочался, скуксился, готовый заплакать. Яна дёрнулась было к нему, но тут в дверях возник этот странный человек и спросил:

– Можно?

Яна кивнула и отдала в протянутую руку рюкзак, после чего Рома осторожно взял переноску, будто всю жизнь только этим и занимался, и, удобнее устроив ручку в сгибе локтя, направился к выходу. Она хотела возразить, но он уже вышел на лестничную площадку. Странно, но Федя ничего не имел против, только тарасил свои глазёнки. Яне ничего не оставалось, как запереть дверь на все замки и спуститься вслед за своим неожиданным помощником.

Навстречу поднималась соседка тётя Лена. Увидев Рому с люлькой, она даже остановилась. Разглядывала его так, будто впервые в жизни видела мужчину с младенцем.

Рома, аккуратно обойдя её, подмигнул:

– Десантура, мать. С объекта сворачиваемся.

Тётя Лена, опешив, проводила их взглядом, потом перевела его на Яну, поджала губы и молча пошла выше, к себе.

Яна ожидала увидеть обычную машину, максимум – «Газель». Поэтому, когда свернули за угол, и перед ней предстала эта громадина – тёмно-синий тягач с прицепом, нависающий над припаркованными легковушками, – она застыла на месте. Федя в переноске агукнул, будто тоже удивился.

Рома обернулся, усмехаясь:

– Нравится? Могу научить рулить. Права есть?

Яна молчала, заворожённо глядя на гигантские колёса, на узкую лестницу, ведущую в кабину, на зеркала размером с её голову.

– А как же подгузники? – спохватилась она. – Мне их менять, там же запах...

Он кашлянул и, не отрывая взгляда от дороги, произнёс:

– Остановит ДПС-ник, спросит: «Что везёте?» Я скажу: «Какашки». Он: «Чьи?» Я: «Не знаю, я просто водитель».

Она рассмеялась, неожиданно даже для себя.

– И что он? – спросила сквозь смех.

– А ничего, – Рома пожал плечами. – У нас с ДПС давняя дружба. Они знают, что я вру только по мелочи.

Она засмеялась ещё громче.

Рома скосил на неё глаза, явно довольный реакцией:

– Никогда ещё мои шутки не ценили так высоко.

Она вытерла слёзы, пытаясь взять себя в руки, но не смогла. Хохотала снова и снова.

– Ты чего это? – спросил он.

– Ничего. Просто... Федин отец – инспектор ДПС.

Рома посмотрел на неё, пару секунд помолчал, потом сказал:

– А я думал, ты серьёзная девушка. А ты – с юмором.

Он открыл водительскую дверь, ловко забрался внутрь вместе с переноской, поставил её на пассажирское сиденье, перегнулся и протянул Яне руку:

– Давай. Не бойся – не укушу. Сегодня.

Яна топталась на месте, не зная, с какой стороны подступить к этой махине. Наконец шагнула и, ухватившись за его тёплую широкую ладонь, поставила ногу на ступеньку. Рома легко подтянул её вверх, словно она ничего не весила.

Федю он пристегнул в переноске к пассажирскому сиденью, тщательно проверив ремни. Покопавшись, натянув и дёрнув за лямки, убедился: люлька даже не шелохнулась.

– Готов, лось, – сказал он. – Теперь никуда не денешься.

Потом кивнул Яне через плечо:

– Там лежак. Отдыхай.

Она обернулась. За сиденьями обнаружилось что-то вроде небольшого дивана с матрасом, подушкой и аккуратно сложенным пледом. Кабина оказалась на удивление ухоженной: не просто чистой, а по-хозяйски обжитой. Пол был без мусора, приборная панель сияла чистой, на торпедо ничего лишнего, только пара потрёпанных дорожных карт виднелась в боковой сетке. Пахло здесь не табаком или потом, а чем-то сухим, терпким, чуть сладковатым – то ли кофейными зёрнами, то ли деревом, то ли просто мужским присутствием, которое не нуждается в маскировке освежителем.

Яна забралась на лежак, прижалась спиной к прохладной стенке кабины. Федя, пристёгнутый в переноске, тарашил глаза. Рома, открыв дверь, ополоснул водой из бутылки и сунул ему в руку какую-то игрушку, болтавшуюся на зеркале заднего вида. Федя её тут же ухватил, сунул в рот и довольно затих. Яна вздохнула, но промолчала. Рома завёл двигатель, и громадина, заурчав, тронулась. Он потянулся куда-то вверх, щёлкнул тумблером. Из динамиков послышалось шипение, потом чей-то хриплый голос:

– ...второй, приём. За триста шестьдесят четвёртым машинка стоит, переднички ходят. Кто слышал – передайте.

Рома усмехнулся, нажал на тангенту:

– Слышал, семьсот тридцатый. Принял. Передничкам привет.

Из динамика ответили коротким смешком и снова шипением.

– Это рация, – пояснил Рома. – Дальнобои друг друга предупреждают: где ДПС, где пробка, где заправка подешевле.

Яна кивнула, хотя он не видел. Её взгляд скользнул по спинке сиденья, по рукам Ромы на руле и остановился на убегающей вдаль дороге.

Он добавил:

– В плед завернись, чтоб теплее.

Фура мягко покачивалась. За окнами мелькали поля, леса, какие-то постройки. Яна прилегла и закрыла глаза. Её убаюкивало движение, как в детстве в поезде, когда едешь к бабушке и знаешь, что впереди – долгая дорога и можно ни о чём не думать.

– Спи, – услышала она сквозь накатывающую дремоту. – Разбужу, если что.

И она провалилась в темноту.

ГЛАВА 3

Проснулась от рёва. Предшествующее ему обычное кряхтение и хныканье Яна просто не слышала – спала крепким сном. Села, пытаясь сообразить, где она: кабина, дорога, мужчина за рулём. Вспомнила.

– Требуется чего-то, – сказал Рома, не оборачиваясь. – Мои варианты развлечений его не устраивают.

Яна начала доставать Федю из переноски. Он орал, выгибался, красный от напряжения.

– Мне нужно покормить его, – сказала она.

Положила сына рядом с собой на узкий лежак, отвернулась лицом к стенке и задёрнула плотную шторку, отделяющую спальное место от кабины. Дала грудь. Федя схватил сразу, затих, хлюпая носом.

За шторкой Рома кашлянул. Помолчав, сказал:

– Вообще так нельзя везти – не пристёгнутым. Если эти... – он запнулся, подбирая слово, – тормознут, положишь его обратно в люльку. Сейчас где-нибудь встанем.

Яна не ответила. Смотрела на Федю, который сосал и морщился, на свою бледную руку, поддерживающую его затылок. За шторкой было тихо, слышался только ровный гул двигателя.

Она лежала, кормила грудью и думала о том, что этот чужой мужчина смутился. Почему-то это показалось ей самым странным событием за сегодняшний день. Посмотрела на экран смартфона – спала час сорок. Как хорошо, но ещё бы столько же...

Машина плавно остановилась.

– Сама есть будешь? – донёсся голос Ромы из-за шторки.

Яна хотела отказаться из вежливости, но неожиданно для себя ответила:

– Буду.

– Я тебя закрою. Скоро вернусь.

Дверь хлопнула. Не было его минут пятнадцать. Кабину наполнил запах кофе и горячих булок с сосисками. Голова слегка закружилась. Когда она ела? Утром, кажется, пару ложек каши.

– Кофе, не знаю, можно тебе? Чай тоже взял.

– Всё можно, – ответила Яна, удивляясь себе. Раньше бы смутилась от заботы постороннего. А сейчас, ничего, нормально.

Сытый Федя, причмокнув, отвалился. Яна, поправив футболку, отдернула шторку. Рома протянул ей огромный хот-дог на одноразовой тарелке и бумажный стакан кофе.

– Сколько? – спросила она, поблагодарив. – Я переведу.

– Бабушку через дорогу? – усмехнулся Рома.

– Что? Нет. Деньги за еду.

– А, – он усаживался за руль. – Считай, что я записал это в твой долг. Лет через двадцать предъявлю пацану. С процентами.

– Я серьёзно, – настаивала Яна.

– И я. Торг неуместен. Запомни: ты должна мне хот-дог. Когда-нибудь потребую.

Она не нашлась, что ответить. Откусила, обожглась, замахала рукой. Рома, не глядя, протянул салфетку.

– Ешь давай. До Питера ещё ехать и ехать.

Потом Яна поменяла Федьке подгузник – тяжёлый как гиря, но, к счастью, только мокрый.

– А где же обещанный аромат? – спросил Рома, принюхиваясь и помахав ладонью как веером перед носом. – Я готовился к худшему.

Яна скрутила использованный подгузник в тугий рулон, завернула в пакет.

– В следующий раз будет, – пообещала она.

– Не надо. Я передумал.

Рома завёл двигатель, но не тронулся.

– Давай-ка так. Там туалет есть на заправке. Следующая остановка только в распределительном центре часа через три.

Яна замаялась. Туалет был нужен, особенно после кофе.

– Ну чего? – он скосил глаза на её джинсы. – Или ты тоже в подгузнике?

– Нет, – ответила Яна.

– Тогда пошли.

Она потянулась к ручке. Рома остановил её:

– погоди.

Вышел, распахнул дверь, принял из её рук Федю и осторожно прижал к себе.

– Так правильно? Голову держать надо?

– Правильно, – Яна кивнула. – Голову держать не обязательно, только не трясоти.

– Я и не трясу, – обиделся Рома. – Я вообще человек нежный, просто никто не ценит.

Она не стала спорить. Выбралась на подножку и задумалась: высоко. Он протянул свободную руку, не глядя. Яна, немного поколебавшись, ухватила за его большую, тёплую ладонь и прыгнула. Рома придержал её, не отпуская, пока она не встала твёрдо на асфальт. Только тогда разжал пальцы.

– Иди, – кивнул в сторону яркой вывески «WC». – Вон вход. Мы тут пока пройдемся, проветрим пацана.

Федя, прижатый к его груди, таращил глаза по сторонам и не плакал. Яна посмотрела на них: на своего ребёнка в чужих руках, на этого странного человека – и пошла к туалету. На полпути обернулась: Рома уже прохаживался, показывая на проезжающие мимо фуры, что-то говорил Феде. Тот слушал или делал вид.

После, таким же образом, погрузились обратно в кабину и поехали. Тёмные тучи, висевшие над трассой с самого утра, наконец прорвало. Дождь хлынул стеной, хлестал по лобовому стеклу косыми струями. Рома включил дворники: те сначала заскрежетали по сухому стеклу, потом размякли, зашлёпали в такт.

В кабине стало темно и уютно. Ливень барабанил по крыше, глушил звуки, убаюкивал. Федя гулил, пристёгнутый в переноске. Яна смотрела на размытые огни встречных машин, на мокрую дорогу, на большие, спокойные руки Ромы на руле. Подумалось: если бы ей год назад кто-то сказал, что она будет не с Димой и Евой дома, а сидеть в фуре с незнакомым мужчиной и чувствовать себя в полной безопасности, она бы не поверила.

Рация опять что-то трещала, сообщая о машинке на двести двадцать девятом. Рома откликнулся коротко: «Семьсот тридцатый, принял». И снова замолчал.

Дождь не прекращался.

Рома включил радио – из динамиков доносилась какая-то невообразимая смесь: то рэп, то древние рок-баллады, то тяжёлый металл. Яна морщилась, но молчала.

– Это для тонуса, – пояснил Рома. – В дороге без этого никак.

Она хотела возразить, но Федя, который начал хныкать, вдруг затих под очередной трек. Рома, глянув на неё, усмехнулся.

– Видишь? У твоего парня отличный вкус. Мы с ним нормально ехали, слушали. А ты пришла – всё испортила.

Яна не нашлась, что ответить. Он убавил звук.

– Не хочешь музыку? Тогда поговори со мной.

– О чём?

– Расскажи что-нибудь смешное.

Она пожала плечами.

– Муж меня бросил с ребёнком. Смешнее ничего не вспомню.

Рома помолчал, глядя на дорогу, затем сказал:

– Ну, это с какой стороны посмотреть. Как пацана звать?

– Федя. Фёдор.

– А по бабушке?

– Дмитриевич.

– Фёдор Дмитриевич, – протянул он, словно пробуя имя на вкус. – Это вот, считай, лучшее, что тебе мог дать тот замечательный человек – его отец. Не считая того, что самоликвидировался из твоей жизни. Иногда надо отрезать от себя кусочек, чтобы вырасти и жить дальше. Уж поверь, я знаю, что говорю.

Яна молча смотрела на его профиль, на седину на висках, на то, как он легко, без напряжения держит руль.

Рома нажал кнопку радио. Из динамиков снова заревел тяжёлый металл. Федя уснул, посапывая в переноске.

Фура свернула с трассы, зашуршала колёсами по мокрому асфальту и заехала на парковку огромного торгового молла. Огни вывесок отражались в лужах. Рома заглушил двигатель и повернулся к Яне.

– Жди тут, – сказал он. – Мне на дозагрузку надо сгонять в распределительный центр, здесь недалеко. Вас туда не пустят. Это займёт около часа, может чуть больше.

Яна уставилась на него в замешательстве: остаться одной не пойми где, с ребёнком.

– Не смотри так, – усмехнулся Рома. – Я вернусь. Телефон заряжен?

– Да.

– Запиши номер и позвони, я сохраню твой.

Он продиктовал цифры. Яна набрала, в его кармане завибрировало.

– Готово. Теперь я у тебя в контактах. Будешь знать, кому жаловаться, если что.

Он достал их складную коляску и, чуть повозившись, разложил её. Яна взяла рюкзак и Федю, передала его Роме. Он покатил коляску к стеклянным дверям.

– Вон там кафе, – кивнул он. – Посидите, перекусите. Я быстро.

– А если ты не вернёшься? – спросила она.

Он остановился, укоризненно посмотрел на неё.

– Куда я денусь, – сказал и ушёл, не оборачиваясь.

Яна постояла, провожая его взглядом. Потом толкнула дверь и закатила коляску внутрь. В кафе было немногочисленно, пахло кофе и выпечкой. Она выбрала укромный столик в углу, у окна, и села спиной к залу. Заказала блины. Ела, смотрела на Федю, который вертел головой и тянул ручки к столу. Сначала достала из рюкзака банку детского питания и покормила сына. Затем, прикрывшись кофтой, дала ему грудь.

Время тянулось мучительно медленно. Яна посмотрела на часы – прошло всего-то полчаса. Федя начал хныкать, она снова взяла его на руки, покачала. За окном моросил дождь. Люди проходили мимо, не обращая на неё внимания, а она смотрела на входную дверь и боялась, что Рома не придет, что это какая-то нелепая шутка, и они с Федей останутся здесь одни, в этом чужом месте.

Телефон молчал. Яна не решалась позвонить первой – он, скорее всего, занят и не хочет, чтобы ему мешали. К тому же, час ещё не прошёл, паниковать было рано.

Но час миновал, и она уже начала размышлять, как ей быть. Обратиться к администратору? Но чем он поможет, непонятно... Или позвонить матери?

В этот момент за стеклянной дверью мелькнула знакомая фигура. Рома, мокрый, без куртки, в одной футболке, быстрым шагом направлялся к ней. Войдя, он стряхнул воду с волос, подошёл к столику и взглянул на Яну с Федей.

– Ну что, живы? А то я переживал.

– Мы – да, – сказала Яна. – А ты? Где куртка?

– В кабине, – махнул он рукой. – Бежал, не заметил, что без неё.

Он взял Федю на руки. Тот схватил его за нос и засмеялся.

– Ладно, поехали. До Питера уже не так далеко.

– Погоди... – Яну вдруг осенило. Она даже не задумалась, куда именно Рома её везёт. Адреса-то она не знала. Мать ничего не сказала. У них с Юрой она ни разу не была. Где Рома их посадит?

– Я адреса в Питере не знаю, – сказала она. – А ты?

– Нет, – он почесал затылок. – Маринка – твоя же мамка. Я думал, ты знаешь.

Яна принялась звонить матери. Телефон не отвечал. Раз, другой, третий. Она бессильно опустила трубку.

В кабине фуры Рома, не глядя на неё, бросил:

– Значит так. Ты пока у меня побудешь. Не дворец, конечно, – комнаты в коммуналке, от бабки моей досталось. Соседка – старушка строгая, но не вредная. Скажем ей, что ты дочка моя, с внуком.

Яна поперхнулась водой.

– Что?

– А что прикажешь? – он чуть повернул руль, объезжая яму. – Сказать, что ты моя любовница? Баба Таня мне как родная, такого не поймёт. А дочка – святое.

Федя икнул и заснул. Яна сидела, вцепившись в край сиденья, не зная, куда деть взгляд.

– Это неудобно, – пробормотала она.

– Не бойся, – ответил он, не отрываясь от дороги. – Я не маньяк.

– Я и не боюсь.

– И не ворую детей.

Она молчала.

– На этой неделе, – добавил он, и в голосе прорезалась усмешка.

Яна повернулась к нему. Он смотрел на дорогу, но уголки губ чуть подрагивали.

– Шучу, – сказал он. – Вообще никогда.

Ей хотелось ответить что-то колкое про глупые шутки, но слова не шли. Она отвернулась к окну. За стеклом мелькали серые дома, потом поля, лес. Где-то там, впереди, Питер. И мать, сбежавшая на море.

– А я уже говорил? Ты так похожа на Маринку, – сказал он вдруг. – Она в молодости была – такие же глаза, косы... Да вообще – одно лицо.

И тут Яне в голову закралась совершенно фантастическая мысль, которую она принялась обдумывать на все лады. Возможно, чтобы не думать о главном – положиться ей, кроме как на него, не на кого. И идти некуда.

«Дочка, – стучало в голове. – Он сказал: «Дочка».

– Рома – это от Романа? – спросила она осторожно.

– Нет, блин, от Ромуальда!

Яна не знала, верить ли. Он то ли серьёзно, то ли шутит – не поймёшь. Федя заворочался во сне и снова затих. Она смотрела на бесконечную серую ленту дороги, на мокрые сосны за окном и размышляла. Одноклассник матери, внезапно появившийся, когда она оказалась в тупике. Повёз её, отвлекаясь от своих дел, предлагает назваться дочкой и говорит, что она так похожа на мать в молодости. А та не дала адреса и не отвечает на звонки.

«Не может быть, – подумала Яна. – Это чушь».

Но бредовая мысль, поселившись в голове, не желала оттуда выходить. И отчество у неё – Романовна. По словам матери, папаша был прочно женат, потому и не смог быть с ними. Подарки раз в год, деньги на карту – вот и всё, что от него видели. Мать была скрытна, больше ничего не было известно об отце.

Яна посмотрела на его руки. Крупные пальцы, коротко стриженные ногти, на правой руке, на безымянном – никакого кольца. Она задержала взгляд дольше, чем следовало. Рома заметил.

– Не бойся, – сказал. – Я не женат. Не помешаешь супружнице.

Она поспешно отвела глаза. Спросить, давно ли не женат, не решилась. Постеснялась или побоялась ответа.

Федя заворочался в переноске, закричал, открыл глаза. Серьёзный младенческий взгляд устремился на мужчину.

– Здорово, лось, – скосив на него взгляд, усмехнулся Рома. – Ты с нами?

Федя икнул и потребовал грудь. Яна переместилась с ним за шторку.

Мысль, которую она гнала от себя последние полчаса, наконец оформилась в чёткие, пугающие слова: «Это мой отец?! Иначе почему он так заботлив?»

Она не понимала, рада ли она этой мысли, потому что не могла разобрать, что именно её греет – надежда обрести отца или то, что этот мужчина, с его шутками и сильными руками, просто есть рядом. И то, что он ей нравится. Но нравится как кто?

Яна ничего не спросила – не смогла. Федя, пристегнутый в переноске, смотрел в окно и сосал пальцы, пуская пузыри. Рома молчал. Дорога впереди казалась бесконечной.

ГЛАВА 4

– Так, – сказал Рома, съезжая с развязки. – Сначала заскочу на склады. Разгрузка, пару бумажек оформить. Ты с Федей пока на АЗС посиди. Там нормально, всё есть: диваны, туалет, кафе.

– Надолго? – Яна не сводила с него глаз.

– Часа два, может, чуть больше, – он почесал затылок. – Но это если я решил тебя бросить. А если нет – то часа полтора. Я пока не решил, так что не расслабляйся.

Яне было не смешно.

– Ну что ты так смотришь? – спросил он. – Я без вас никуда не уеду. Во-первых, Фёдор мой должник. Во-вторых, совесть у меня есть. Маленькая, но имеется. Где-то здесь, – он похлопал себя по груди. – Спрятана надёжно, но работает.

Фура плавно затормозила у ярко освещённой заправки. Рома заглушил двигатель.

– Давай, вылезай. Вон туда, – кивнул он на стеклянные двери. – Я вас найду. Если через три часа не появлюсь – звони в полицию. Скажешь, дальнобойщик украл чемодан с подгузниками и скрылся. Это статья.

Она взяла Фёдю, коляску, рюкзак. Рома помог выбраться, подал всё, и уже собрался залезть в кабину, но на секунду задержался.

– Ты это... – он посмотрел ей в глаза. – Не переживай. Я правда скоро.

Залез, хлопнул дверью. Двигатель взревел, фура отъехала, мигнула поворотником и скрылась за деревьями.

Яна осталась одна. Покатила коляску к стеклянным дверям. Внутри пахло кофе и санитайзером. Было светло,людно, безопасно. Она устроилась на диване в углу, прижала к себе Фёдю, вздохнула и поняла, что ждёт. И даже не из страха остаться одной в чужом городе, а потому, что хотела его возвращения.

Федя, накормленный овощным пюре, спал в коляске, и ему не мешало, что за соседним столиком шумно переговаривались и громко смеялись парни в кожаных куртках – байкеры. Они пили кофе, ели пирожки. Один из них поднялся и подошёл.

– Девушка, у вас всё в порядке?

– Да, да, спасибо, – ответила Яна.

Он кивнул, улыбнулся и вернулся к своим. Она смотрела на них и думала, что вот же – не одна, вокруг люди. Если что, эти парни рядом. Помогут, заступятся. Но ждала она не их. Её взгляд был прикован к двери.

Рома появился через час с небольшим – взъерошенный, уставший. Увидев её, подошёл, сел напротив, потянулся, взял её остывший кофе, глотнул и поморщился.

– Не обижали? – кивнул он на уходящих байкеров.

– Нет.

– Я знал, что оставляю тебя в надёжных руках, – Рома подмигнул Феде, потом поднял глаза на Яну, смутив её почему-то.

– Ты правда одноклассник моей мамы? – спросила она неожиданно даже для самой себя.

Он усмехнулся, сделал вид, что плюнул на пальцы и пригладил волосы.

– А что, не похоже? Я неплохо сохранился.

– Я серьёзно.

– Да, учились вместе, – он откинулся на спинку дивана. – На дискотеках тусили.

– Вы дружили?

– Можно и так сказать, – Рома отвёл глаза.

Яна ждала. Он, не добавив ни слова, поднялся с дивана.

– Всё, – сказал. – Поехали.

Она усадила Федю в коляску. Рома быстро покатил её к выходу. На парковке направился к аккуратному чёрному автомобилю с чуть затемнёнными стёклами. Яна особо не разбиралась в марках, но машина выглядела ухоженно и солидно. На заднем сиденье она узнала свою дорожную сумку.

– А где... та? – спросила, оглядываясь по сторонам.

– На стоянке, – Рома открыл багажник. – Понимаю, вы уже сроднились с ней, но в центр на такой не пускают. А на этом, – он похлопал по крыше, – хоть к Эрмитажу.

Он сложил коляску, сунул в багажник, затем пристегнул на заднем сиденье люльку с Федей. Яна забралась к сыну. Рома захлопнул дверь, обошёл машину, сел за руль.

– Ну что, – сказал он, взглянув на неё в зеркало заднего вида. – Домой?

Яна, улыбнувшись, повернулась к окну. Смотрела во все глаза. Петербург она никогда не видела – только фотографии в интернете да знала по маминым восторженным рассказам. А теперь она сама была здесь, по-настоящему. Город казался серым под низким вечерним небом. Мокрые мостовые блестели под дождём, а люди в куртках и под зонтами спешили по своим делам, не подозревая, что она впервые наблюдает всё это. Когда машина свернула с набережной на широкую площадь, Яна узнала.

– Это Исаакиевский собор?

– Он самый, – Рома сбавил скорость. – Только не вздумай просить остановиться. Экскурсии – за отдельную плату, и я сегодня не в голосе.

Она не ответила, только смотрела на золотой купол, отражавшийся в мокром асфальте.

Потом поехали через мост. Внизу темнела Нева, на гранитных берегах возвышались величественные дворцы со шпилями и колоннами.

– А это? – спросила она.

– Стрелка Васильевского острова. Ростральные колонны. Когда-то тут был порт, а теперь – красота, на которую туристы смотрят с открытым ртом. Как раз как ты сейчас.

– Я не с открытым, – улынулась Яна.

Рома свернул в узкую улочку, затем в ещё более узкую, потом в арку, и они оказались в закрытом дворе-колодце. Ворота за ними бесшумно закрылись.

– Приехали, – сказал он, глуша двигатель.

Яна вышла из машины и огляделась. Двор был чистым и ухоженным, дом явно недавно отремонтирован: свежая штукатурка, новые пластиковые окна. Было тихо, только воробы чиркали на карнизе.

– Думала, в трущобы тебя везу? – усмехнулся Рома.

– Я не думала ничего такого, – ответила Яна, всё ещё осматриваясь.

Федя в переноске довольно крикнул.

Рома открыл багажник и принялся выгружать вещи. Первым делом вытащил коробки, затем сумку и чемодан. Грохоча по ступенькам, перетащил всё в подъезд. Вернулся чуть запыхавшийся, забрал коляску, сложил и тоже унёс. Спустившись, протянул руки за Федей.

– Давай парня.

Яна достала Федю из переноски, передала Роме и пошла следом. Подъезд оказался просторным и чистым. Она поняла, почему их здесь называют парадными: лепнина, изящные перила, арочные окна и эркеры на площадках. Она поднималась, с интересом разглядывая убранство. На втором этаже, чуть смутившись, увидела, что Рома уже ждал, придерживая дверь в квартиру.

– Заходи, – пропустил он её вперёд.

Яна переступила порог. Щёлкнул выключатель, и прихожая залилась мягким, чуть желтоватым светом. Сразу стало видно: две стены занимали шкафы. Один – старый, белый, советский, с окошечком и фигурной ручкой, будто из детства её бабушки. Другой – современный, с раздвижными створками и зеркалом.

Чуть дальше, по обе стороны просторного холла, темнели дверные проёмы, видимо, комнаты. Прямо – двери в туалет и ванную, приоткрытые, сквозь щели виднелся кафель. А слева, из-за угла, падал дневной свет. Наверное, там кухня, догадалась Яна.

Она стояла посреди этой незнакомой прихожей, окружённая вещами, прижимая к себе Федю, и вдруг почувствовала, как напряжение, державшее её всю дорогу, начало понемногу отпускать. Здесь было чисто, пахло деревом и чем-то ещё: может, старыми книгами, а может, просто покоем.

Рома захлопнул дверь.

– Ну вот, – сказал он. – Мы и дома.

Из комнаты слева вышла невысокая, стройная женщина лет шестидесяти или около того, в джинсах и свободной блузе. Её губы были тронуты вишнёвой помадой, а тёмные, хорошо покрашенные волосы собраны в низкий, элегантно небрежный пучок. Яна ожидала увидеть морщинистую старушку в платочке, а перед ней стояла эффектная дама. Остановившись на пороге, она удивлённо уставилась на Яну с Федей, на сумки и коробки.

– Баб Тань, – Рома приобнял Яну за плечи, – это дочка моя с внуком. Поживут здесь. Она к матери приехала, но случился форс-мажор.

– Дочка?! – баба Таня перевела взгляд с Яны на Рому.

– Ну да, грехи молодости, – Рома развёл руками. – Пацан голосистый – что есть, то есть. Но растёт быстро, скоро в школу.

Федя, будто в подтверждение, фыркнул и выпучил глаза.

Баба Таня помолчала, разглядывая их. Потом покачала головой, усмехнулась и махнула рукой, удаляясь обратно к себе:

– Проходите уж. Чего в прихожей стоять. Ромчик, кастрюли в холодильнике, как всегда.

Рома чуть стиснул плечи Яны. Это было странно, волнительно и почему-то безопасно. Его сильные ладони обнимали её так, будто она и правда была ему не чужой. Стало даже жаль, когда он убрал их.

Сунув обувь в шкаф, Рома открыл ключом и распахнул одну створку высокой двери справа по коридору. Пригласил широким жестом:

– Прошу!

Яна переступила порог и остановилась. Комнат было две, смежные. Первая – большая, квадратная, с эркером, за стеклами которого проглядывалась улица и хмурое питерское небо. У одной стены стоял угловой диван, напротив – телевизор. У другой – шкаф и письменный стол с двумя большими мониторами и системным блоком на специальной подставке.

«Рубится в игры», – догадалась Яна.

Вторая дверь вела в комнату поменьше. Там виднелась огромная двуспальная кровать, заправленная тёмно-синим покрывалом, и платяной шкаф.

– Здесь буду спать я, – Рома кивнул в сторону дивана. – А вы там, – он показал на кровать во второй комнате. – Пойдёт?

– Конечно, – сказала Яна. – Спасибо, что не бросил.

– Не благодарите. Мне самому нужно общение, а то совсем один одичал. Вы меня очеловечите.

Рома занёс вещи, сложил в углу маленькой комнаты.

– Почему ты называешь её баба Таня? – спросила Яна.

– А как? – удивился он. – Вообще-то, она Татьяна Афанасьевна. Они с моей бабулей не просто соседками были, а подругами. Ей уже за восемьдесят.

– Ого, – Яна оглянулась на дверь. – Так и не скажешь. Очень хорошо выглядит.

– Это да, – Рома усмехнулся. – Говорит, потому что на нас, козлов, силы не тратила.

– На кого?

– На мужиков. Она давным-давно похоронила мужа и нарадоваться не может, что никто ей нервы не треплет.

Потом Рома показал туалет и ванную. Всё было не новым, но очень ухоженным и чистым. Федя не возражал ничуть, когда она отдала его, чтобы помыть руки. Затем Рома повёл её на кухню, просторную и уютную. Справа, вдоль стены стоял ярко-красный кухонный гарнитур, напротив – ещё один, под дерево. В центре располагался большой круглый стол, накрытый клеёнкой, и стулья.

Рома включил чайник, залез в холодильник, загремел кастрюлями.

– Ого, соляночка! – он довольно потёр руки.

У Яны тут же желудок сжался – так сильно захотелось есть. Рома снова восторженно объявил:

– И ленивые голубцы! Ну, баба Таня, ну порадовала!

Заметив недоумение на лице Яны, он пояснил:

– У нас договор. Я люблю вкусно поесть, но сам готовить особо не умею, да и лень. Вот она мне на два дня после рейса и наготовливает. А я ей компенсирую. Ну и слежу за кранами и прочим в квартире.

За ужином Рома пытался накормить Яну до отвала: первое, второе, потом стал накладывать ей добавку, не спрашивая, хочет она или нет. Пододвинул хлеб, баночки с маринованными помидорами и огурцами.

– Ешь, ешь, – приговаривал он. – Я ж отец, мне положено заботиться.

От этих слов у Яны замерло сердце. Она уставилась в тарелку, стараясь не выдать своих чувств. Федя тем временем уплетал содержимое своей овощной банки, на этот раз – с брокколи. Рома наклонился и принялся.

– А нормальную еду ему можно? А то он такими глазами смотрит на меня, и я его понимаю – пахнет это не очень.

– Нельзя, – ответила Яна. – Ему только своё пока.

– Ну, брат, – Рома вздохнул и подмигнул Феде. – Терпи. Вот вырастешь, тоже ей что-нибудь запретишь, когда она старая будет.

Тот в ответ стукнул ложкой по столу и, довольный, засмеялся.

После ужина Рома отправил Яну в душ.

– Иди спокойно, кайфуй. Мы с Фёдором найдём, чем заняться.

Когда она вышла, с мокрыми волосами, в чистой футболке и шортах, они летали по комнате самолётиком: Рома бережно, но уверенно держал Федю, и тот смеялся, пускал пузыри, тянул руки к люстре.

– Аккуратнее с этим. Если на живот надавить, брокколи может и обратно вылезти.

– Ну, вообще, он уже постреливал, – Рома аккуратно приземлил Федю ей на руки и отступил на шаг, разминая плечи. – Это хорошо или плохо?

– Хорошо, – Яна улыбнулась и добавила, заглянув в подгузник, – холостыми.

Федя, оказавшись у неё, сразу потянулся, уткнулся носом в шею. Яна переложила сына на кровать и принялась менять полный подгузник.

– Слушай, а ночью он спит или как? – Рома подошёл и встал рядом.

Яна не успела ответить, как Федя, точно прицелившись, выдал струю чётко Роме на штаны, чуть зацепив и футболку. На синей ткани расплылось тёмное пятно, будто тот сам описался.

– Ну, Фёдор... – протянул Рома, глядя на себя. – Ты подставщик.

Яна засмеялась.

– Прости, – выдавила она сквозь смех. – Я сейчас...

Впрочем, что «сейчас» с этим она может сделать, оставалось неясным.

– Да ладно, – Рома вздохнул. – Никому не рассказывай только, что у меня энурез.

И пошёл в душ, на ходу снимая футболку. Яна отвела глаза, чувствуя, как горит лицо.

За окном всё ещё было необычайно светло – ни намёка на темноту. Она задёрнула шторы плотнее.

– Белые ночи, – пояснил вернувшийся из душа Рома. – Привыкай.

– Точно... – Яна уложила Федю на кровать, готовясь кормить, и пошла закрывать межкомнатную дверь. Остановилась в проёме.

Рома, лежа на диване, щёлкал пультом. Увидев её, сделал звук тише.

– Громко? Я убавлю.

– Нет, нормально.

Она всё стояла, взгляд её скользил по его рукам, плечам, по тому, как он вытянулся на диване. Большой, вроде незнакомый, но почему-то уже как будто родной.

– Мама так и не перезвонила, – произнесла она. – Написала только, что связь плохая и некогда ей. Завтра обещала набрать.

– Да не парься, – Рома негромко рассмеялся. – Всё равно пока не вернётся, ты никуда отсюда не денешься.

Яна пожелала спокойной ночи и, вернувшись в свою комнату, закрыла за собой дверь. Легла рядом с Федей, который умудрился подкатиться почти к краю кровати, и, задрав футболку, дала ему грудь. Смотрела на его светлую макушку, на крошечные пальчики, что так крепко сжимали её кожу.

И вдруг её осенило: если Рома действительно её отец – жаль. Она хотела бы другое. Эта мысль испугала. Она попыталась отругать себя, но навязчивые размышления не отступали. Интересно, давно ли Рома развёлся? Или он вообще не был женат? Она стала вспоминать, что он говорил на эту тему. В памяти всплыли его слова: «Не бойся, я не женат. Не помешаешь супружнице». И всё. Ни «был», ни «развёлся», ни «вдовец». Просто – не женат.

Яна поймала себя на том, что сравнивает. С Димой всё было иначе, – он был женат, и не скрывал этого. Яна знала, на что идёт, знала – и всё равно вошла в отношения с ним. Главный урок, который она вынесла из своей неудавшейся семейной жизни: не связываться с мужчиной, у которого не отболело по бывшей. И этот урок очень дорого ей стоил.

ГЛАВА 5

Яна проснулась от непривычной тишины. Солнечные лучи пробивались сквозь шторы, освещая комнату. Рядом, раскинув ручки и тихо посапывая, спал Федя. Яна приподнялась на локте, с нежностью глядя на сына. Ночь прошла спокойно, зубы его больше не беспокоили. Он просыпался лишь дважды, на груди долго не висел, снова засыпая.

Где-то тихо тикали часы. Яна не решалась выйти, хотя и очень хотелось в туалет – стеснялась. Как идти, если Рома там спит? Она не знала, как себя вести, как поздороваться, можно ли зайти на кухню, не помешает ли соседке.

Федя заворочался, закряхтел, открыл глаза. Яна взяла его на руки, покормила, сменила тяжёлый подгузник. Всё старалась сделать очень тихо, чтобы не разбудить Рому.

Но он проснулся. Слышно было, как встал, босиком прошлёпал из комнаты, что-то уронил, заговорил на кухне с бабой Таней – слов Яна не разобрала. Потом слышались шаги, и он постучался в дверь её комнаты. Не входя, просто стукнул костяшками.

– Можно? – спросил из-за двери.

– Да, – отозвалась Яна.

Рома стоял в футболке и домашних штанах, щурясь на свет. Посмотрел на неё, на Федю у неё на руках, улыбнулся.

– Пойдём завтракать?

Она хотела сказать: «Спасибо, не хочется», но Федя вдруг заулыбался, залопотал что-то на своём языке. Рома подошёл, взял его на руки и направился в сторону кухни. Яна уже не удивлялась, он делал это так естественно, будто они знакомы тысячу лет.

– Догоняй, – бросил через плечо.

Когда Яна подошла к столу, Рома отодвинул ей стул рядом с собой. Федю устроил у себя на коленях, придерживая в сгибе руки. Яна глянула на сына: тот сидел, опираясь на широкую ладонь, и тараторил по сторонам с таким видом, будто так оно и должно быть.

– Только не сажай его, – сказала Яна. – Для спины вредно. Он сам ещё не сидит.

– А я думал, он у нас универсальный солдат, – Рома заглянул Феде в лицо и уложил его по-другому. – Ты чего, лось? Сидеть не хочешь?

Федя хлопнул его ладошкой по носу. Рома усмехнулся, придерживая покрепче.

Яна ела быстро, глотала горячий чай, обжигаясь. Ей было неловко: посторонний человек даёт ей возможность спокойно позавтракать, а сам ест с её ребёнком на руках – неудобно же так. Она смотрела в тарелку, боясь поднять глаза, чтобы он не заметил, как ей не по себе от этого. Или наоборот – как спокойно. Она сама ещё не поняла. Всё казалось странным и будто так и должно быть: утро, чужой мужчина держит её сына, а она сидит рядом, не зная, куда деть руки.

– Тебе чай с сахаром или без? – спросил Рома.

– Без.

– И правильно. А я вот без трёх ложек не пью.

Федя потянулся к его кружке. Рома отодвинул её подальше.

– Тебе рано, лось. Вот подрастёшь – сначала чай, потом кофе, потом коньяк. Всё по порядку.

Яна чуть улыбнулась.

Рома, подхватив Федю, поднялся.

– Так, – сказал. – Погода вроде ничего. Пойдём гулять? Петропавловка рядом.

Яна не успела испугаться и придумать отговорку.

– Ты давай собирайся, – он уже шёл в комнату, обернувшись через плечо. – Приготовь парню эти его банки. Я в рюкзак возьму. Хоть на целый день можно, если Фёдор не закапризничает.

– Его пока можно на коврик, на пол, с игрушками, – предложила Яна. – Он не любит сидеть на руках, когда можно на полу играть.

– У меня любит, – Рома подмигнул Феде. – Но, если хочешь, давай плед подстелем. А ты, – он глянул на неё, – собирайся.

И пока сын играл на полу, кряхтя и гремя погремушками, Яна умылась, привела себя в порядок. В зеркале увидела бледное лицо с тёмными кругами под глазами, пряди торчали из косы. Но ничего, не на подиум же идти. Надела длинный сарафан в пол, сверху голубую рубашку, полы которой завязала узлом под грудью. Подумала, что выбрать: кеды или босоножки, чтобы комфортнее было долго гулять. Решила, что в кедах удобнее. Федю одела в лёгкий комбинезон, на голову тонкую шапку. Малыш вертел головой, вырывался, пытался схватить её за волосы.

Рома уже собрал рюкзак. На пару минут прикрыл дверь – переодевался.

В прихожей Яна взялась было за коляску, но Рома остановил её.

– Не надо. Я сам спущу. Ты пацана возьми.

Она не спорила. Уже поняла: бесполезно. Он закинул рюкзак за спину, взял коляску в руку.

– Погнали.

Они спустились во двор-колодец. Было не жарко, тихо и солнечно. Рома шёл чуть впереди, уверенно катя коляску. Яна шла рядом, наблюдая за ним. Казалось, он вырастил уже не одного ребёнка. Ей было неловко, что он тратит на них время, свой выходной, когда мог бы отдыхать. Но сказать об этом она не решилась, боясь, что он согласится и прекратит.

Нет, Рома не мог быть её отцом – тем человеком, который иногда присылал небольшие деньги, и на этом, в целом, всё. Он не был похож на того, кому плевать на своего ребёнка. Или же она просто очарована им? Его надёжностью, заботой, тем, как он держит Федю, как шутит, как идёт впереди и катит коляску, словно это самое естественное для него дело. Мать когда-то ей говорила: «Не хочешь разочароваться в человеке – не очаровывайся». Яна тогда не понимала. Много позже только дошло.

Они направились к Петропавловке. Рома рассказывал что-то: про город, про Неву, про то, как здесь всё менялось за последние годы. Голос у него был спокойный, низкий, чуть роко-чуций, и он не ждал от неё ответов. Можно было просто молча кивать и идти рядом. Яна слушала, улыбалась. Ей нравилось, что они выглядят как семья. Это было странно – и примиряло с тем, что происходило в её жизни за последние месяцы.

А ещё она определённо хотела его, просто и примитивно – физически, телесно. После долгого, мучительного периода, когда Дима не прикасался к ней, сначала из «осторожности», потом из-за Ритки, тело было заморожено и забыто. Она сама о нём забыла. Не было ни времени, ни сил, ни желания. Только Федя, кормления, подгузники и бессонные ночи.

И вот наконец она впервые за много месяцев выпалась. Федя сыт и спокоен, они в безопасности, а рядом – сильный, заботливый мужчина с низким голосом и большими руками, которые так нежно держат её сына. И её тело проснулось само, не спрашивая разрешения и не дожидаясь, пока мозг всё обдумает.

Они остановились на деревянном мосту. Рома что-то рассказывал, но Яна не слышала – смотрела на его губы: чувственные, нижняя чуть полнее верхней. Когда он улыбался, они казались мягче. Она отвела взгляд, но через минуту снова поймала себя на том, что смотрит.

«Господи, что со мной?!»

Она не была с мужчиной... даже не помнила, когда в последний раз. Год? Нет, даже побольше. Её тело забыло, каково это, когда мужские руки касаются тебя, когда чувствуешь тяжесть мужчины и внутри – эту восхитительную наполненность.

Рома протянул ей несколько монеток. Она, словно очнувшись, спросила:

– Что, прости?

– Ты меня вообще не слушала? – он укоризненно посмотрел на Яну и махнул рукой вниз.

Из воды торчал столбик, а на нём – скульптура зайца.

– Прости, задумалась, – она сконфуженно улыбнулась.

– Говорю, зайца зовут Арсений.

– Как? – она рассмеялась.

– Арсений. Это анаграмма финского названия «Заячий остров» – «Енисари».

Яна хохотала, не в силах остановиться. Арсений!

– Рядом с тобой я всегда чувствую себя королем стендапа, – усмехнулся Рома. Взяв её руку, повернул ладонь кверху и вложил туда монетки. – Давай!

И сам показал, что делать: нужно было попасть на крошечный постамент скульптуры.

Яна попробовала. Монетка, отскочив, шлёпнулась в воду.

– Неплохо, – похвалил Рома. – Хотя бы попала.

Она бросила ещё – мимо. Он тоже пытался. Его монетки быстро закончились. Яна порылась в кошельке, достала всё, что было, и хотела поделиться по-братски, но Рома взял только две, остальное оставил ей. В итоге у него почти получилось, а Яна таки попала! Монета, поблесткивая, замерла между лап зайца.

– Молодец! – Рома схватил её за плечи, слегка встряхнул, но тут же опомнился и отпустил. – Загадывай желание! Только самое сокровенное и шёпотом. Обещаю не подслушивать.

И он демонстративно закрыл уши руками и зачем-то зажмурился. Яна склонилась к перилам, сложила ладони рупором и тихо-тихо прошептала:

– Арсений, хочу вот этого – себе.

И скосила глаза на Рому.

Усмехнулась про себя над иронией судьбы, которая подсовывает ей «Арсения» и спрашивает: «Ну что, теперь поняла?» Ведь Арсений – это имя того хорошего парня, который был в её жизни до Димы. Того, кто не нужен был ей тогда, ведь она искала драму, страсть, ураган, а он был любящим, удобным, правильным и... скучным. И она променяла его на Диму – красивого, недоступного, «не её».

Через массивные ворота они вошли на территорию крепости, гуляя вдоль стен. Яна смотрела во все глаза, слушая Рому. А он, определённо, многое знал. Не только исторические факты, но и различные любопытные домыслы и легенды: о Святом Граале – чаше якобы, спрятанной где-то на территории крепости, о связи масонских символов и геометрии стен, о секретных подземных ходах и тайных тоннелях, об обитающих здесь призраках декабристов.

Федя начал тихо хныкать. Потом громче. Затем зашёлся в требовательном плаче. Яна пыталась его укачать, дать соску – не брал. Тогда открыла банку с овощным пюре. Сын сначала съел несколько ложек, но потом заревел в голос. Покраснел весь.

– Он не это хочет, – тихо сказала она, чувствуя, как лицо пылает. – Грудь.

Рома кивнул, не поднимая глаз.

– Сейчас.

Огляделся: место было открытое, вокруг гуляли люди, кто-то сидел на траве, кто-то кормил уток.

– Идём, – вдруг сказал он.

Она не сразу поняла, но Рома уже достал плед и расстелил его у крепостной стены. Там никого не было, только тень, тишина и крики чаек вдали.

– Садись, – велел Рома, поправляя плед. – Вот сюда, лицом к стене.

Она замешкалась. Он сел первым.

– А ты сядь спиной ко мне, – предложил. – Обопрись. Так удобнее будет, и никто не увидит.

Яна достала ревушего Федю, аккуратно села. Ромина спина оказалась широкой и тёплой даже через одежду. Она чувствовала, как он дышит – ровно, спокойно.

– Теперь, – сказал он, – делайте там всё, что вам нужно.

Она расстегнула рубашку, прикрылась её полами и, сдвинув лиф сарафана, приложила ребёнка к груди. Тот схватил и замолчал, занявшись делом.

Они сидели спина к спине. Яна ощущала каждое его малейшее движение: как он чуть смещался, чтобы ей было удобнее, как напрягались мышцы, когда он поправлял рюкзак, чтобы тот не мешал. И запах его – мужской, отчётливый. Древесное что-то: тёплое, сухое, словно кедровая кора на солнце. И кофе – не свежесваренный, а тот, что остаётся на губах после глотка. И ещё что-то неуловимое, от чего хотелось закрыть глаза и дышать глубже, чтобы запомнить.

Она и закрыла. Только гладила Федю по голове и вдыхала. Яна не знала, что чувствовал Рома, не видела его лица. Может, он тоже закрыл глаза, а может, смотрел на чаек, думая о чём-то своём. Но всё, что было в Пореченске: одинокие, тоскливые ночи, горечь, унижение, – всё казалось таким далёким и ненастоящим в этот миг.

«Почему чужой человек заботится о нас больше, чем тот, кто должен был? Но кто не хотел», – подумала она.

А этот сидел рядом, спиной к спине, пока она кормила чужого ему ребёнка. Не жаловался, не смотрел на часы, не вздыхал. Просто терпеливо ждал. Яна тут же отогнала эти мысли, потому что если бы начала думать об этом, то разревелась бы прямо здесь, у стен Петропавловки.

Федя наелся, отвалился и задремал, но Яна продолжала сидеть, опираясь на Ромину спину и закрыв глаза. В какой-то момент она откинула голову на его плечо и почувствовала, как он вздохнул чуть глубже. Тёплый ветерок обдувал лицо, шевелил волосы. Вдали шумели машины и речные трамваи. Но дольше было уже неприлично, и Яна, поправив одежку, тихо сказала:

– Всё.

Рома не двинулся сразу. Секунду, другую – она чувствовала его ровное дыхание. Потом он встал, протянул ей руку, помог подняться. Не смотрел в глаза. Свернул плед и сунул в рюкзак.

Яна переложилась спящего Федю в коляску, укрыла пелёнкой и опустила козырёк.

– Пойдём? – спросил Рома. – Кофе хочешь?

– Хочу, – ответила она.

И они пошли. А она всё ещё чувствовала его тепло там, где прижималась к его спине. Рома что-то говорил, но она не слышала слов: ветер снова донёс до неё его запах, и внутри всё переворачивалось. Яна шла рядом, смотрела под ноги и боялась свободно вдохнуть, чтобы он не заметил. Она задерживала дыхание, потом выдыхала, но всё равно украдкой вдыхала снова. Ей хотелось просто придвинуться ближе – не обнимать и не трогать даже, а просто дышать его запахом. Яна кусала губы, чтобы не расплакаться от стыда и от желания, от того чувства, названия которого она не знала – когда одновременно хорошо и больно.

Внезапно зазвонил телефон. Яна взглянула на экран – мать. Рома тактично отвернулся и стал рассматривать чаек на Неве, но она видела: он слушает. Не нарочно, просто невозможно не слышать, когда рядом.

– Да, мам.

– Детка, привет! – голос у матери был бодрым, но будто из другого мира. – У нас тут связь плохая, интернет вообще не ловит. Вы как там?

– Отлично, – ответила Яна. – Спасибо одному доброму человеку.

Она скосила глаза на Рому. Хотелось взять и спросить у неё прямо: «Мам, он мой отец?» Но невозможно было задать этот вопрос при нём.

Поэтому спросила другое:

– Как так получилось, что ты не оставила ни адреса, ни ключей?

– Ой, – мать раздражённо отмахнулась, Яна услышала это даже по голосу. – Знаешь, такая суета была перед отъездом! Я боялась паспорта забыть. Вот так и вышло.

– Ясно....

– Не дуйся! Я знала, что вы с Федей в надёжных руках.

– Мам, это безответственно.

– Ты ещё будешь меня отчитывать! – мать обиделась. – Ладно, пока. Потом позвоню.

Трубка замолчала.

Яна убрала телефон в карман сарафана. Рома стоял к ней спиной, смотрел на воду. Затем повернулся:

– Посидим?

– Давай.

Он снова расстелил плед, на этот раз на солнечном пригорке, откуда открывался изумительный вид на Неву и Стрелку. Вода переливалась золотистыми бликами, по ней в обе стороны скользили кораблики. Коляску с Федей поставили боком, на тормоз. Яна села, Рома – рядом. Кричали чайки, по небу плыли редкие облака.

И ей было так хорошо, как не было давно.

Рома, едва коснувшись её плечом, полез в рюкзак за пирожками и водой.

– Будешь? – предложил он.

Она взяла. Ели молча. Потом он начал рассказывать какие-то смешные дорожные истории: про то, как однажды вёз клетки с курами, и одна сбежала, и он два часа её ловил на трассе, а потом наглая птица села на пассажирское сиденье и проехала с ним пятьсот километров; про то, как на заправке к нему в кабину запрыгнула лиса и украла бутерброд; про то, как ДПС-ник остановил его, начал придираться, а когда увидел, что он везёт гуманитарку, извинился и пом

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.